

и даже веселое... Только одно обстоятельство огорчало членов экспедиции: наш бедный товарищ, фельдфебель Иванов, заметно слабел, и страдания его с каждым днем увеличивались. С грустью прислушивался отряд к тихим жалобам моего неизменного спутника во время дороги, и тяжелым стоном в бессонные ночи... «Господи», с отчаянием шептал он бывало, «помоги мне добрести до Урги, помоги вступить на родную землю, больно мне умирать на чужбине»...

Верстах в трех к северо-западу от Хара-хото я ненадолго остановился для осмотра оригинальных развалин «Актын-хурэ» или «Лошадиная загородка», служивших в прежнее время по всей вероятности загоном для скота местных обитателей, а может быть даже и цитаделью или аванпостом харахото'ского гарнизона.

Актын-хурэ с севера непосредственно примыкает к старому сухому руслу Эцзин-гола, а с востока, юга и запада, составляя как бы замкнутое колено реки, вокруг него извивается глубокий ров, по обе стороны которого выстроены внушительные крепостные стены. Сейчас эти стены наполовину разрушены, а их деревянные части исчезли совершенно, оставив зияющие отверстия, где находят себе приют сокола (*Tinnunculus tinnunculus*), сычики и некоторые другие хищные пернатые. В окрестностях «Лошадиной загородки» еще видны кое-где остатки арыков, орошавших поля. Судя по тому, что в Актын-хурэ не сохранилось даже и следов жилых построек, а черепки и вообще керамические находки представляли большую редкость, я склонен приписать этим развалинам бóльшую древность, чем Хара-хото...

По мере удаления экспедиции от Мертвого города, мною всё более овладевало чувство безотчетной грусти; казалось, среди этих безжизненных развалин осталось что-то близкое и дорогое мне, с чем впредь будет неразрывно связано мое имя, что-то, с чем больно было расставаться... Много, много раз оглядывался я на подернутые пыльным туманом исторические стены крепости и прощаясь, со своим седым и древним другом, с каким то странным чувством сознавал, что теперь над Харахото сиротливо возвышается лишь один древний субурган, тогда как другой неизменный товарищ его безвозвратно погиб — уничтожен пытливостью ума человека...